Пар.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

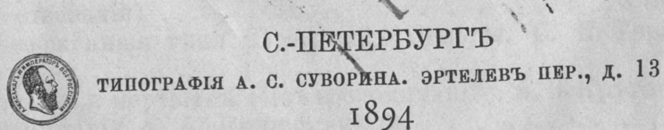
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LVIII

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1894

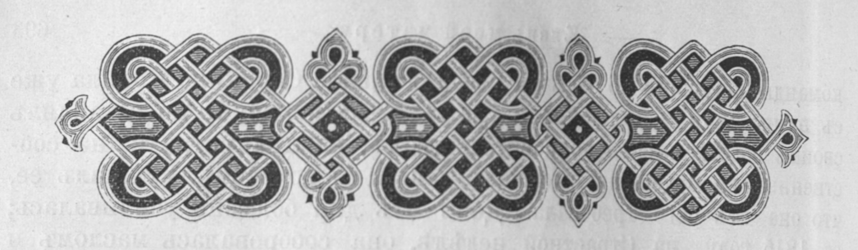

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1894 года).

стр.

стр.

ВОСПОМИНАНІЯ А. А. КОЛЮБАКИНОЙ [1].

III.

Назначеніе Колюбакина управляющимъ Мингреліею. — Мингрельскіе нравы. — Братья Дадишкиліани. — Убійство князя Гагарина. — Назначеніе Колюбакина эриванскимъ военнымъ губернаторомъ. — Поѣздка въ Эривань. — Подземное озеро. — Жизнь въ Эривани.

Возстаніе въ Мингреліи было подавлено, введено русское управленіе, и въ августѣ, по выѣздѣ княгини Дадіани съ семействомъ изъ владѣній ея, Николая Петровича назначили управляющимъ Мингреліею. Мы поселились въ мѣстечкѣ Квашихоры, въ домѣ князя Элизбара Дадіани, одного изъ дядей владѣтеля, то-есть въ домѣ ботоно-швили: члены владѣтельной фамиліи назывались — диди-ботоно или ботоно-швили [2]). Домъ этотъ былъ до того ветхъ, что во время сильныхъ вѣтровъ грозилъ паденіемъ крыши или, еще вѣрнѣе, совершеннымъ разрушеніемъ. Поэтому въ такіе дни изъ предосторожности мы ложились спать на половину одѣтыми, чтобы при малѣйшей опасности тотчасъ же можно было выскочить изъ дому, и я спала тогда, что называется, однимъ глазомъ. Вдобавокъ къ этому неудобству надо прибавить еще, что низменныя мѣста Мингреліи буквально затоплялись осенью отъ безпрерывныхъ проливныхъ дождей, и рѣки переполнялись водой на столько, что

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., т. LVIII, стр. 379.
[2]) Диди — значитъ большой, швили — сынъ, ботоно — господинъ.

арбы не могли переправляться черезъ нихъ, конечно, по установленному въ краѣ порядку — вбродъ. Поэтому намъ случалось по нѣскольку дней оставаться безъ провизіи и безъ дровъ, а въ это время, на бѣду мою, Николай Петровичъ заболѣлъ, и комнату его необходимо было нагрѣвать до 16°. За лѣкарствомъ для него и за провизіей я кое-какъ посылала верховаго вплавь черезъ рѣки и огромныя глубокія рытвины, наполненныя грязью, а для топки печей люди наши ломали изгороди. Мы могли бы жить въ Зугдиди, но турки, уходя изъ Мингреліи, разорили и домъ и садъ владѣтельницы и всѣ остальныя постройки.

Усадьбы какъ мингрельскихъ, такъ имеретинскихъ, гурійскихъ и абхазскихъ князей, дворянъ и крестьянъ разбросаны далеко одна отъ другой и расположены слѣдующимъ образомъ: на большой полянѣ, покрытой травой, стоитъ одноэтажный домъ съ большимъ балкономъ, а подлѣ него двѣ сакли для прислуги и еще нѣсколько хозяйственныхъ построекъ. На балконѣ господскаго дома устроены тахты; тамъ княгини проводятъ цѣлые дни, перебирая чётки и пересказывая одна другой старыя сплетни и новыя извѣстія. Тутъ же передъ ботонами сидятъ на полу два или три бичо (слугъ), и, опершись на перила, стоятъ нѣсколько гого (служанокъ) и, слушая новости и пересуды господъ, часто вмѣшиваются въ ихъ разговоры. Старые князья, для жалобъ на дворянъ и на крестьянъ, а также для обсужденія дѣлъ, касающихся всего края, или для сообщенія секретно всего, что дѣлается въ домѣ владѣтеля, избираютъ преимущественно мѣсто подъ большимъ орѣховымъ или каштановымъ деревомъ, обнесеннымъ скамьей, а такихъ деревьевъ бываетъ обыкновенно на полянѣ четыре или пять. Пока они разсуждаютъ, большею частью, вполголоса, къ тому или къ другому изъ князей подходятъ босые и чуть не нагіе люди съ докладами: это крестьяне низшаго класса, что-то въ родѣ рабовъ. Подойдя къ князю, согнувшись и держа руку на груди, рабъ цѣлуетъ полу княжеской чохи и затѣмъ передаетъ ему, что слѣдуетъ. Выслушавъ его, князь отвѣчаетъ ему коротко и сухо, и тотъ, приложившись снова къ краю господской чохи, уходитъ, не разгибая спины.

Молодые же люди, проводящіе бо̀льшую часть жизни на охотѣ, забавляются вечеромъ на полянѣ игрой въ мячъ, и часто забава эта кончается порядочными ушибами и кровотеченіемъ отъ полученнаго удара по носу.

Точно такая поляна была и въ Квашихорахъ. Княгиня Меники‘ первая супруга владѣтеля Абхазіи, князя Михаила, покинутая имъ, жила подлѣ насъ въ особомъ, принадлежавшемъ ей маленькомъ домѣ, поэтому я часто имѣла удовольствіе видѣться съ ней и, признаюсь, неудовольствіе выслушивать жалобы ея на то, что съ введеніемъ въ Мингрелію русскаго управленія она лишилась

прежняго дохода съ ворованнаго скота. Доходъ же этотъ состоялъ въ томъ, что, когда подвластному ей дворянину или крестьянину удавалось украсть буйволовъ или лошадей, то онъ былъ обязанъ одно изъ животныхъ представить ей.

Воровство скота считалось такимъ удальствомъ, что дѣвушка, выходя замужъ, гордилась женихомъ, если онъ былъ ловокъ въ этомъ похвальномъ занятіи.

Прошу читателя не забывать, что я описываю былое, впрочемъ, не весьма отдаленное время, но надо сказать, къ чести здѣшняго края, что хотя не все еще, однако очень многое измѣнилось къ лучшему, и есть надежда на быстрые успѣхи въ развитіи страны и ея жителей.

Въ то время, когда мужъ мой управлялъ Мингреліею, въ Кутаисѣ разыгралась страшная кровавая драма. Кутаисскій генералъ-губернаторъ князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ, его чиновникъ особыхъ порученій Ильинъ и переводчикъ были убиты княземъ Константиномъ Дадишкиліани, членомъ фамиліи бывшихъ сванетскихъ владѣтелей.

Я не желала бы упоминать объ этомъ ужасномъ происшествіи, но принуждена описать его и довольно подробно, потому что съ нимъ связана судьба моего мужа.

Всѣмъ извѣстно, что значитъ кровомщеніе. Этотъ варварскій обычай, порождавшій когда-то безчисленныя преступленія, разрывавшій самыя близкія родственныя узы между христіанами и соблюдаемый нынѣ одними мусульманами, какъ догматъ религіозный,— въ бытность нашу въ Мингреліи исполнялся, да и теперь, кажется, исполняется еще въ Сванетіи, хотя христіанство было введено тамъ въ одно время съ Грузіей. Доказательствомъ тому могутъ служить многочисленные древніе христіанскіе храмы, существующіе въ Сванетіи.

Страна эта, благодаря гористому мѣстоположенію своему, какъ будто отдѣлена отъ всего окружающаго ее міра. Подобно орлиному гнѣзду, скрытому между скалами на недосягаемой вершинѣ, она не страшилась ничьего нападенія, не признавала ничьей власти и, пользуясь полной свободой, придерживалась прежнихъ дикихъ обычаевъ своихъ, хотя такъ же, какъ Имеретія и сосѣдняя съ нею Мингрелія, была подвластна Россіи. Обитатели ея—настоящіе атлеты; они трудолюбивы, честны, одарены умственными способностями, какъ всѣ кавказскіе горцы, самостоятельны и отважны. Кинжалъ въ рукѣ сванета то же самое, что линейка въ рукѣ школьнаго учителя, и дикій горецъ не задумается употребить его въ дѣло при малѣйшей ссорѣ или обидѣ. Мудрено ли, что у такого народа каждое убійство влекло за собой кровавое возмездіе, и что семейство, не отмстившее смертью за смерть, считалось у нихъ опозореннымъ.

Такъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, подобное кровомщеніе велось между двумя родственными домами князей Дадишкиліани.

Жили они въ домахъ, укрѣпленныхъ на подобіе средневѣковыхъ замковъ, среди народа, находившагося въ совершенно дикомъ состояніи, не имѣвшаго понятія, за исключеніемъ набѣговъ и разбоевъ, о другихъ занятіяхъ, кромѣ земледѣлія. Пріятное же препровожденіе времени составляли охоты, джигитовки да нѣкоторыя игры, гдѣ выказанная ловкость или сила цѣнились превыше всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, и которыя нерѣдко оканчивались ссорой и пораненіемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, чтобы по природѣ они были злы и жестоки: напротивъ того, нрава они мягкаго и чувствительны къ ласковому обращенію съ ними. Но кровомщеніе исполнялось у нихъ, какъ законъ, и князья Дадишкиліани послѣ каждаго убійства, совершавшагося въ одномъ изъ семействъ ихъ, отплачивали тѣмъ же. Обиженная сторона вооружалась, осаждала жилище враговъ своихъ и не отступала, пока сила или хитрость не рѣшала побѣды, т. е. пока имъ не удавалось убить одного изъ членовъ враждебнаго дома.

Въ одномъ изъ названныхъ двухъ семействъ два старшіе брата— Александръ и Константинъ Дадишкиліани, были воспитаны въ Россіи и считались въ лейбъ-гвардіи казачьемъ полку; но служба съ нихъ не спрашивалась: они проживали въ горахъ своихъ и спускались съ нихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ,—большею частью, когда того требовало начальство.

Раза два, для прекращенія распрей между враждующими домами, сванетскими Montecі и Capuletti, были посылаемы къ нимъ небольшія команды русскихъ войскъ, но мѣра эта не принесла ожидаемой пользы; нападенія повторялись, и тогда князь Гагаринъ рѣшился вызвать къ себѣ князей Александра и Константина.

Получивъ приказаніе генералъ-губернатора, оба брата тотчасъ же собрались въ путь налегкѣ, не взявъ съ собою ни вещей, ни денегъ, ибо разсчитывали скоро вернуться домой, и прискакали въ Кутаисъ, гдѣ узнали совершенно неожиданно, что они арестуются, и что возвращеніе въ Сванетію имъ запрещается. Ихъ, однако, оставили на свободѣ, но потребовали, чтобъ они вызвали съ горъ младшихъ братьевъ своихъ—Тенгиза, Ислама и Ціоха, на что̀ они не согласились, говоря, что братья ихъ – дикари, что двое изъ нихъ очень молоды, что они никогда никуда не выѣзжали и ни за что не согласятся спуститься съ горъ, тѣмъ болѣе, если узнаютъ объ ихъ арестованіи.

Нѣсколько дней спустя, по распоряженію князя Барятинскаго, бывшаго тогда намѣстникомъ, князь Александръ былъ отосланъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Сибирь, на Амуръ. Графъ Муравьевъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты и, въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ служенія его при немъ, былъ имъ очень доволенъ и повышалъ въ чинахъ.

Съ мужемъ моимъ князь Александръ былъ въ перепискѣ. Онъ много интереснаго передавалъ ему о Сибири и о Японіи, куда ѣздилъ съ графомъ Муравьевымъ.

Судьба князя Константина разыгралась иначе. Его приказано было задержать въ Кутаисѣ, куда, на несчастье его, былъ присланъ для наблюденія за нимъ и помѣщенъ въ одной съ нимъ квартирѣ полковникъ Б—ей, человѣкъ весьма болѣзненный и желчный. Въ бесѣдахъ съ княземъ онъ не только не щадилъ его самолюбія, но старался умалять и унижать санъ его и значеніе въ подвластномъ ему народѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе его въ обществѣ русскихъ, не воображая, вѣроятно, какъ глубоко уязвлялъ этимъ и безъ надобности раздражалъ порученнаго ему гордаго князя. Подобнымъ обращеніемъ полковникъ Б—ей довелъ его до изступленія, такъ что, чувствуя уже сильнѣйшую ненависть къ нему, князь Константинъ отправился однажды предупредить князя Гагарина, что онъ не въ силахъ долѣе переносить такія оскорбленія. Не заставъ его дома, онъ выяснилъ положеніе свое супругѣ его, прося ее передать князю все сказанное имъ, и прибавилъ: «Не забывайте, что во мнѣ течетъ кровь горца, и что, если пытка моя продлится еще нѣсколько дней, я не отвѣчаю, чѣмъ это кончится».

Мы хорошо знали князя Константина и легко могли представить себѣ, что происходило въ его душѣ, какое озлобленіе онъ долженъ былъ получить противъ ментора своего. Красивый собой, огромнаго роста, полный силы и энергіи, князь Дадишкиліани нимало, однако, не походилъ на юнаго Телемаха и, хотя ему было не болѣе 35-ти лѣтъ, онъ былъ мужемъ и отцомъ восьмерыхъ дѣтей. Носилъ онъ всегда черкеску безъ галуновъ, что̀ доказывало высокое происхожденіе, на кудрявыхъ волосахъ папанаку и на ногахъ чувяки, придававшіе походкѣ его какую-то особую мягкость и элегантность, а на поясѣ кинжалъ, неизбѣжную принадлежность всѣхъ горцевъ.

Не разъ, я думаю, въ пылу горячности, при выслушиваніи оскорбительныхъ рѣчей полковника Б—ея, рука его безсознательно опускалась на рукоять кинжала, а въ головѣ пролетала мысль о возможности однимъ взмахомъ этого оружія освободиться отъ своего притѣснителя.

Покойный мужъ мой зналъ по опыту, что этотъ самый, какъ казалось, необузданный человѣкъ, въ минуты сильнѣйшаго раздраженія, при изъявленіи дружескаго участія или отъ уговоровъ, выраженныхъ ласково, тотчасъ же смирялся, какъ дитя, а на глазахъ его навертывались слезы благодарности за доброе отношеніе къ нему. Таковъ былъ злополучный убійца трехъ своихъ невинныхъ жертвъ.

Между тѣмъ, прошла недѣля, другая и третья, и князь Гагаринъ въ ожиданіи скораго и окончательнаго рѣшенія судьбы князя Константина не принималъ никакихъ мѣръ для облегченія его тяжкаго положенія. Но какъ всякому, такъ и этому дѣлу настал конецъ: получено было распоряженіе о ссылкѣ князя Дадишкиліани на жительство въ Эривань, что̀ слѣдовало немедленно сообщить ему. Приближенные генералъ-губернатора, знавшіе, въ какомъ озлобленномъ настроеніи находился тогда горскій князь, и предчувствуя что-то недоброе, совѣтовали князю Гагарину не объявлять ему о приговорѣ самолично, а поручить это кому нибудь другому, но князь не послушалъ предложеннаго ему совѣта.

Это происходило въ воскресенье. Князь Константинъ былъ у обѣдни, и за нимъ послали въ церковь.

Не догадываясь, зачѣмъ его требуютъ, онъ отвѣчалъ, что обѣдня скоро кончится, и тогда онъ придетъ.

Князь Гагаринъ, весьма добрый и мягкій человѣкъ, но въ эту минуту, вѣроятно, взволнованный тяжелою обязанностью сообщить близкому знакомому своему непріятную вѣсть, остался недоволенъ отвѣтомъ князя Константина и, когда тотъ пришелъ, принялъ его сухо, объявивъ ему довольно сурово, безъ всякихъ предосторожностей, что онъ ссылается въ Эривань.

— Ссылаюсь!... За какое же преступленіе наказываютъ меня?— спросилъ князь Дадишкиліани.—Я, кажется, не измѣнникъ,—прибавилъ онъ.

Не знаю, что отвѣчалъ ему на это генералъ-губернаторъ, но послѣдняя фраза его была слѣдующая: «Перекладная готова, жандармы тоже—садитесь и поѣзжайте».

— Позвольте мнѣ, князь, съѣздить въ Сванетію, проститься съ женой, дѣтьми и взять денегъ; я здѣсь безъ всего.

— Этого дозволить я не могу.

— Во второй разъ прошу васъ объ этомъ, князь; я тотчасъ же возвращусь.

— Нельзя, не могу.

— Прошу васъ о томъ въ третій разъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... уѣзжайте.

Тутъ князь Константинъ, взбѣшенный отказомъ, не помня уже себя, въ тупомъ отчаяніи, съ глазами, налитыми кровью, выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его князю Гагарину въ животъ.

Несчастный князь, смертельно раненый, не упалъ, онъ имѣлъ даже довольно силы, чтобы, зажавъ рану рукой, повернуться и сдѣлать нѣсколько шаговъ изъ кабинета къ дверямъ спальной; но князь Дадишкиліани, видя, что жертва его еще на ногахъ, хотѣлъ нанести ему вторичный ударъ. Въ эту минуту Ильинъ, стоявшій позади, схватилъ его за плечи.

Почувствовавъ, что его держатъ, обезумѣвшій убійца рванулся

и, однимъ размахомъ кинжала снявъ противнику своему часть черепа, выбѣжалъ въ другую комнату; здѣсь бросился на него переводчикъ, но и этого онъ положилъ на мѣстѣ. Очнувшись немного, когда онъ находился уже на чистомъ воздухѣ, князь Дадишкиліани, видя, что его преслѣдуютъ, вбѣжалъ въ первый попавшійся домъ и заперся тамъ въ одной комнатѣ; но вскорѣ, раненый черезъ окно, изъ котораго самъ сдѣлалъ, въ защиту свою, нѣсколько выстрѣловъ,—онъ былъ взятъ призванной командой солдатъ, связанъ и отведенъ на гауптвахту. Недѣли черезъ двѣ, осужденный полевымъ судомъ, онъ былъ разстрѣлянъ.

Жаль, что послѣ совершенныхъ имъ убійствъ онъ не вздумалъ тотчасъ же самовольно отдаться въ руки правосудія.

Прибавлю здѣсь, что, имѣя дозволеніе избрать себѣ защитника на судѣ, онъ изъявилъ желаніе, чтобъ адвокатомъ его былъ Колюбакинъ; но когда ему сказали, что Николай Петровичъ занятъ и не можетъ пріѣхать изъ Мингреліи, онъ отвѣчалъ: «Если такъ, то назначайте сами, кого хотите: я выбралъ Колюбакина потому, что онъ человѣкъ съ душой». Такъ кончилась эта печальная исторія.

Только девять мѣсяцевъ прожили мы въ Квашихорахъ, но они показались мнѣ девятью годами; зима тянулась безконечно, и я съ нетерпѣніемъ ожидала весны. Наконецъ, наступилъ желанный апрѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошла перемѣна въ нашей жизни: судьба перенесла насъ къ Арарату. Николай Петровичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Эривань, а мѣсто его въ Мингреліи занялъ братъ его Михаилъ Петровичъ.

Напрасно порадовалась я избавленію отъ Квашихоръ; какъ ни было неудобно это мѣсто, мы промѣняли его, надо признаться, на худшее, относительно климата. Здѣсь мы страдали отъ сырости, а тамъ пришлось мучиться отъ сухого, душнаго, зловоннаго воздуха да, сверхъ того, отъ зловредной воды; но, такъ какъ выборъ зависѣлъ не отъ насъ, оставалось одно — покориться судьбѣ. Поэтому мужъ мой, оправившійся отъ болѣзни, дождавшись брата и передавъ ему всѣ дѣла по управленію Мингреліею, отправился въ Эривань, а я, по просьбѣ Михаила Петровича, осталась у него около двухъ мѣсяцевъ.

Потомъ, съѣздивъ въ Петербургъ по семейнымъ дѣламъ, я прибыла въ Эривань только въ концѣ сентября и застала мужа больнымъ и въ сильнѣйшемъ нервномъ раздраженіи.

Странно сказать и трудно, я думаю, повѣрить, чтобы раздражительность и нетерпѣніе у взрослаго человѣка, какъ у капризнаго ребенка, который, ничего не слушая, кричитъ, чтобъ ему достали луну съ неба, — происходили отъ совершеннаго непониманія практической жизни. Но такъ было съ Колюбакинымъ. Онъ, напримѣръ, сердился и не хотѣлъ вѣрить, чтобы бульонъ, заказанный изъ живой еще курицы въ десять часовъ, не могъ быть

поданъ ему въ четверть одиннадцатаго, а подобныя причины къ раздраженію случались весьма часто, особенно въ мое отсутствіе. Ему вообще казалось, что всякое предпріятіе его или желаніе могло быть осуществляемо съ неестественной быстротой.

Полагая, что не всѣмъ извѣстенъ путь въ страну нашу, примыкающую въ Персіи, позволю себѣ описать путешествіе мое въ Эривань.

Пріѣхавъ изъ Петербурга въ Тифлисъ и узнавъ, что тамъ временно находится милая знакомая моя княгиня Чавчавадзе, которую я не могла еще видѣть послѣ освобожденія ея изъ плѣна у Шамиля, я тотчасъ отправилась отыскивать ее въ гостиницахъ и по дорогѣ встрѣтилась съ знакомымъ, подошедшимъ ко мнѣ съ восклицаніемъ: «А бѣдный нашъ князь Дмитрій Шервашидзе!»...— «Что съ нимъ, говорите скорѣй, я ничего не знаю!» —«Какъ? неужели вы не слышали, что онъ умеръ почти внезапно, то-есть въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и въ страшныхъ мученіяхъ?».

Ужасно поразила меня смерть его. Ему не было еще сорока лѣтъ, и онъ былъ полонъ силы и здоровъ.

Въ грустномъ настроеніи отправилась я въ Эривань. Я ѣхала одна съ горничной и съ лакеемъ, и хотя путь этотъ былъ мнѣ совершенно не знакомъ, я даже не подумала о могущихъ встрѣтиться опасностяхъ; впрочемъ, по правдѣ сказать, не было слышно, чтобы тамъ случались тогда убійства или грабежи.

Дорога шла по безконечной степи, утомительной однообразіемъ своимъ. Жара была страшная, и въ закрытомъ экипажѣ было нестерпимо душно; аппетита ни малѣйшаго, что было весьма кстати, потому что на станціяхъ ничего нельзя было бы достать. На слѣдующій день, къ вечеру, я увидѣла съ радостью, что по сторонамъ стали появляться горы, которыя, увеличиваясь постепенно и сдвигаясь, образовали наконецъ прелестное Делижанское ущелье, въ глубинѣ котораго быстрая рѣка, перебрасывая воды свои съ камня на камень, разсыпала ихъ въ жемчужныя капельки.

Незамѣтно взобрались мы на высоту въ 7.000 футъ надъ поверхностью моря—говорю незамѣтно, потому, что вышина подъёмовъ измѣряется путешественниками только наглядно—страшными пропастями, надъ которыми пролегаетъ почтовая дорога; здѣсь же пропасти такъ хорошо скрыты подъ густою, сплошною, не тронутою человѣческой рукой растительностью, что ихъ нельзя было замѣтить; только бѣдныя лошади чувствовали, на какую высь поднимаются, изо всѣхъ силъ натягивая постромки. На Военно-Грузинской и Потійской дорогахъ совсѣмъ не то: тамъ вершины горъ состоятъ большею частью изъ скалъ, на скатахъ же горъ, покрытыхъ лѣсами, такъ много полянъ, луговъ и зеленѣющихъ или желтѣющихъ подъ посѣвами полей, что тотчасъ видно, на какую поднимаешься высоту. При слѣдованіи по возвышенности

Малаго Кавказа и при постепенномъ спускѣ вдругъ на одномъ поворотѣ дороги неожиданно открывается огромное, чудное Гогчинское озеро.

Къ сожалѣнію, оно находится среди безцвѣтныхъ, голыхъ скалъ, въ мѣстности, не только непривѣтливой, но очень печальной. Мнѣ говорили, что озеро это образовалось вслѣдствіе провалившейся на томъ мѣстѣ земли. Не знаю, на сколько вѣрно это преданіе, но такъ какъ почва въ этой странѣ вулканическая, и въ Арменіи, какъ извѣстно, бывали частыя и страшныя землетрясенія, то такая вещь легко могла случиться.

Прелестный бирюзовый цвѣтъ Гогчинскаго озера напомнилъ мнѣ другое, подобное ему, открытое въ Пятигорскѣ, въ нѣдрахъ горы Машука. На склонѣ этой горы было круглое, аршина въ три величиной, отверстіе, изъ котораго постоянно выходилъ запахъ сѣры. Мѣсто это было цѣлью прогулокъ многихъ посѣтителей пятигорскихъ минеральныхъ водъ, между которыми въ 1831 году находилась и я.

Всѣ мы съ любопытствомъ осматривали провалъ, всѣ бросали въ него камни, чтобы, хотя приблизительно, разсчитать его глубину, и всѣ уходили отъ загадочнаго провала, не узнавъ ничего. Однако, не навсегда осталась неузнанною тайна его. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось быть опять въ Пятигорскѣ на нѣсколько дней; о загадочномъ провалѣ я бы и не вспомнила, если бы директоръ водъ, хорошій знакомый мой, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, не предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ посмотрѣть прорытый имъ подземный ходъ въ Машукѣ.

— Съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ваше, баронъ,— сказала я:—но тоннели нынѣ вѣдь не рѣдкость.

— Мой тоннель не такой, какъ другіе; онъ есть только входъ въ... но не скажу куда—сами увидите.

— Можетъ быть, входъ въ кабинетъ Плутона?

— Да, именно: вы угадали.

— О, если такъ, то поѣдемте скорѣй!

Баронъ посадилъ меня въ свой маленькій шарабанъ, самъ сѣлъ на козлы, собралъ вожжи, и лошадка помчалась рысью, а черезъ четверть часа мы остановились передъ желѣзной дверью.

Всѣ знаютъ по опыту, что чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ сильнѣе дѣлается любопытство—такъ было и со мной, и когда мы подъѣхали къ входу тоннеля, я быстро выскочила изъ шарабана.

— Tenez-vous le diable sous clé, mon cher baron, ou bien il court le monde?

— Certainemeut qu'il court le monde et pourquoi ne le ferait il pas; il y est très bien reçu,—отвѣчалъ баронъ.

Но вотъ дверь отворилась; мы уже въ тоннелѣ, проходимъ его,

прошли... и что я увидѣла!.. Въ самомъ дѣлѣ это былъ кабинетъ бога подземнаго міра.

Представьте себѣ великолѣпный, огромный гротъ, раздѣленный самой природой на двѣ неравныя части, изъ коихъ меньшая, состоящая изъ полукруга суши, была убрана диванчиками, столиками и стульями, а бо̀льшую часть грота занимало озеро чуднаго лазореваго цвѣта, съ нависшими надъ нимъ разнообразной формы скалами и сталактитами, подъ которыми исчезала, вѣроятно, бо̀льшая половина озера. Освѣщался гротъ сверху, чрезъ загадочное отверстіе провала.

Проѣхавъ Гогчу, я съ удовольствіемъ замѣтила, что природа измѣнилась: опять лѣса и зелень. А вотъ—въ пятидесяти верстахъ отъ Эривани, на значительной еще возвышенности и вблизи почтовой дороги, лежитъ урочище Дарачичагъ, лѣтняя кочевка, гдѣ спасаются отъ чисто адскихъ лѣтнихъ жаровъ и зловредной городской духоты начальникъ губерніи, чиновники и вообще всѣ, кто имѣетъ средства для перекочевки, за исключеніемъ людей торгующихъ—эти несчастные прячутся въ дорбазахъ, т. е. подвалахъ, куда никогда не проникаютъ солнечные лучи, и гдѣ земляные или каменные полы спрыскиваются водою каждыя десять минутъ.

Дарачичагъ—что значитъ долина цвѣтовъ—есть просто селеніе, состоящее изъ крестьянскихъ домовъ, расположенныхъ въ лѣсу, на скатѣ горы; такъ было, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ я говорю. При въѣздѣ въ него, первое, что бросается въ глаза, это—большая круглая башня, очень древняя, а выше ея развалины армянскаго монастыря и, что не совсѣмъ пріятно,—старое кладбище съ множествомъ разбросанныхъ и разбитыхъ памятниковъ. Но за то тутъ прохладно, легко дышится, и главное—есть чистая, здоровая вода.

Мужъ мой провелъ все лѣто въ Дарачичагѣ; но, не смотря на всѣ благопріятныя условія кочевки, я нашла его больнымъ и уже на зимней квартирѣ.

Никогда еще и нигдѣ не случалось мнѣ видѣть города, подобнаго Эривани. Представьте себѣ обширную, голую площадь и на ней одноэтажное строеніе, похожее внѣшнимъ видомъ своимъ на казарму: это помѣщеніе начальника губерніи; затѣмъ, за исключеніемъ упомянутаго зданія и еще нѣсколькихъ казенныхъ домовъ, всѣ остальные скрывались за высокими глиняными, сѣраго цвѣта высокими стѣнами, тянувшимися по обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ. Правда, что изъ-за этихъ стѣнъ высовывались деревья; но вѣдь для оживленія города надо видѣть дома съ ихъ жителями, надо видѣть въ окнахъ смѣющіяся дѣтскія личики.

По лѣвую сторону губернаторскаго дома разстилался большой лугъ, засѣянный іонжой, а вдоль окраины его тянулась аллея, ведущая къ персидскому, зеркальному дворцу, сохраняющемуся, какъ па-

мятникъ владычества персіянъ въ Арменіи. Немудрено представить себѣ, какой унылый видъ имѣетъ такой городъ, но, повторяю, такимъ онъ былъ въ наше время; съ тѣхъ поръ, слѣдуя общему закону прогресса, онъ могъ улучшиться, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма мало.

Для удобства, а главное въ виду здоровья жителей, Колюбакинъ устроилъ на площади фонтанъ, проведя въ него воду издалека; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время онъ, говорятъ, испорченъ и загрязненъ. А для своего удовольствія, какъ любитель цвѣтовъ, Николай Петровичъ построилъ въ квартирѣ своей оранжерею, родъ маленькаго зимняго садика, соединивъ ее съ весьма красивой зеркальной комнатой въ персидскомъ вкусѣ, которую опишу для тѣхъ, кому не случалось бывать на востокѣ. Въ трехъ стѣнахъ этой комнаты было по четыре довольно большихъ ниши, составленныхъ изъ зеркальныхъ кусковъ. Передняя часть комнаты выдавалась наравнѣ съ оранжереей, и стѣна этого выступа состояла изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, представлявшихъ различные арабески; она раздѣлялась на четыре части, или рамы, которыя могли задвигаться въ обѣ стороны такимъ образомъ, что оставалась пустота во всю ширину и вышину комнаты. Убранство нашего восточнаго покоя составляли низкія тахты, покрытыя коврами, табуреты и, понятно, ковры на полу. Противъ оранжереи была большая и очень широкая тахта, на которой можно было растянуться во весь ростъ, а подлѣ нея, на полу, лежала синяя вышитая подушка, гдѣ покоилась рыжая собака хозяина дома.

Вечеромъ, когда спадалъ жаръ, передняя стѣна задвигалась или, вѣрнѣе, въ одинъ моментъ исчезала, и передъ глазами открывался очаровательный видъ на снѣжный Араратъ, облитый лучами заходящаго солнца. Араратъ собственно не одинъ, онъ образуетъ двѣ горы—большой Араратъ и малый; большой выше, массивнѣе и неправильной формы; малый несравненно изящнѣе: онъ имѣетъ видъ граціозно раскинутой остроконечной палатки. Снѣжный покровъ Арарата нѣсколько разъ въ день мѣняетъ свой цвѣтъ: то онъ серебристо-голубоватый, то прозрачно розовый или свѣтло-фіолетовый, то золотистый. Ежедневно любовались мы съ одинаковымъ восторгомъ красотой его — Николай Петровичъ въ любимомъ положеніи своемъ, лежа на большой тахтѣ противъ оранжереи, наполненной лимонными деревьями и разными цвѣтами, а я сидя съ работой, такъ какъ не въ моей натурѣ восточная нѣга.

Въ зеркальной комнатѣ мы проводили обыкновенно послѣобѣденные и вечерніе часы въ разговорахъ, а чаще всего въ чтеніи журналовъ и другихъ книгъ.

Климатъ въ Эривани престранный: жары начинаются съ апрѣля, а въ іюнѣ доходятъ отъ 40 до 50° по Реомюру, зимою же бываютъ морозы отъ 15 до 20°. Растительность хоть и порядочная, но ею

мало занимаются; зелень въ городѣ есть, а цвѣтовъ я не видала, и для глазъ ничего, кромѣ вида на Араратъ, правда, прелестнаго. За то есть большое разнообразіе въ ядовитыхъ насѣкомыхъ: тамъ множество скорпіоновъ, фалангъ, тарантуловъ, мѣшающихъ спокойствію жизни, а главный бичъ жителей этой страны—мускиты: эти микроскопическія насѣкомыя могутъ довести до отчаянія, такъ какъ отъ нихъ не избавляютъ ни затворенныя окна, ни кисейныя занавѣси.

Трудно уроженцу сѣвера привыкнуть къ жарамъ южныхъ странъ, а къ такому угнетающему воздуху, какой въ Эривани, просто невозможно. Лѣтомъ земля накаляется, какъ плита въ очагѣ, а надъ городомъ стоитъ сухая, палящая атмосфера; тогда на площади и въ улицахъ, до захожденія солнца, не видно ни души, и пустой городъ кажется заброшеннымъ, проклятымъ мѣстомъ.

IV.

Отправленіе Колюбакина посланникомъ въ Персію.—Персидскій докторъ.—Гробница Ноя.—Поѣздка въ Нахичевань.—Пріемъ нахичеванскихъ хановъ.—Гаремъ.—Бесѣда съ ханскими женами.—Эчміадзинъ.—Назначеніе Колюбакина кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ.—Похороны князя Дадишкиліани.—Назначеніе Колюбакина сенаторомъ.—Прощальный обѣдъ Колюбакину.—Жизнь въ Москвѣ.—Болѣзнь и кончина Колюбакина.

Въ концѣ іюля 1859 г. Колюбакинъ былъ отправленъ въ Тавризъ посланникомъ къ его величеству шаху. Какъ истому русскому, какимъ былъ Николай Петровичъ, ему захотѣлось пощеголять предъ азіатскимъ народомъ хоть какимъ нибудь русскимъ обрядомъ. Стали придумывать разныя вещи, да все какъ-то не слаживалось.

— Покажу-ка я персамъ, какъ ѣздятъ у насъ въ Россіи,— сказалъ Николай Петровичъ и, долго не думая, заказалъ для своей коляски настоящую національную упряжь съ красными вожжами и бубенчиками на шесть лошадей цугомъ, потому что приходилось ѣхать по узкимъ и тяжелымъ дорогамъ; а кучеровъ и форейторовъ одѣлъ поямщицки, въ синіе кафтаны, такіе же шаровары, красныя рубахи, того же цвѣта кушаки и синія шапки, молодецки заломленныя за ухо.

16-го августа онъ переправился за Араксъ, въ знакомомъ ему мѣстечкѣ Джульфы, знакомомъ потому, что еще въ молодыхъ лѣтахъ два раза былъ посылаемъ туда по порученіямъ служебнымъ. Въ отсутствіи онъ былъ всего мѣсяцъ и возвратился домой, украшенный орденомъ Льва и Солнца 1-ой степени. Часть слѣдующей зимы прошла тягостно для всѣхъ, такъ какъ болѣзнь Николая

Петровича усилилась и до крайности раздражила его нервы. Никто не могъ угодить ему, ни одинъ врачъ не удовлетворялъ его. Тутъ, какимъ-то образомъ, въ Эривани появился персидскій докторъ; Колюбакинъ послалъ за нимъ и довѣрился ему. Признаюсь, что, съ своей стороны, я нисколько не довѣряла искусству персидскаго эскулапа; однако черезъ три или четыре недѣли послѣ строгаго лѣченія больному сдѣлалось несравненно лучше, и вскорѣ онъ былъ почти совсѣмъ здоровъ.

Такъ какъ по нѣкоторымъ служебнымъ обстоятельствамъ Николаю Петровичу необходимо было побывать въ Нахичевани, то для путешествія этого онъ избралъ зимнее время, какъ самое удобное, и предложилъ мнѣ сопутствовать ему, на что̀ я согласилась очень охотно, тѣмъ болѣе, что нахичеванскіе ханы — Измаилъ и Колбалай, родные братья, оба воспитанные въ Россіи, неоднократно приглашали меня посѣтить ихъ замокъ. Мы отправились туда въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ, служащихъ при губернаторѣ, и нарочно очень рано, чтобы къ ночи добраться до мѣста назначенія.

Погода была ясная, термометръ показывалъ 22° морозу, и мы, конечно, одѣлись, какъ одѣваются въ это время въ Петербургѣ. Мы ѣхали по гладкой, ровной дорогѣ, покрытой снѣгомъ, хотя легкимъ слоемъ, но все же снѣгомъ; вся долина сіяла на солнцѣ, какъ огромная пелена, усѣянная брилліантами, или, говоря попросту, какъ поле россійское, искрящееся въ солнечный день при трескучемъ морозѣ. Ну, какъ тутъ было не забыть, что мы на югѣ, и не вспомнить сѣверной родины нашей.

При въѣздѣ въ городъ, намъ указали на гробницу благочестиваго прародителя нашего Ноя. Никакъ не ожидали мы увидѣть надъ прахомъ возстановителя земнаго населенія памятникъ, сложенный изъ простыхъ, неотесанныхъ плитъ, частью уже развалившихся. «Ахъ, Боже мой! какой скромный памятникъ соорудили тебѣ люди, избранникъ Божій»,—подумала я и взглянула на Араратъ, этотъ неразрушимый другой памятникъ Ноя.

Только въ 12 часовъ ночи остановились мы передъ оградой персидскаго замка, расположеннаго на берегу Аракса, гдѣ оба хана встрѣтили насъ и провели въ домъ свой чрезъ огромныя ворота. Отсюда общій видъ замка представляетъ букву П; весь средній большой корпусъ зданія, находящійся въ глубинѣ двора, занимаютъ парадныя комнаты; направо, въ болѣе низкомъ строеніи—гаремъ, а налѣво, противъ него—бани и что-то похожее на небольшой садикъ, видно не заслуживающій вниманія, такъ какъ намъ его не показывали. Пройдя длинный дворъ, середину котораго занималъ большой продолговатый резервуаръ воды, обнесенный низкой каменной оградой, съ множествомъ вдѣланныхъ въ ней металлическихъ колецъ, къ коимъ привязаны были серебряными цѣпочками

соколы, употребляемые на охотѣ и нарочно для этого обученные,— мы взошли на главное крыльцо. Въ первой комнатѣ, вѣроятно, съ намѣреніемъ мало освѣщенной, меня ожидали обѣ ханши въ богатыхъ парчевыхъ національныхъ костюмахъ и, къ удивленію нашему, съ открытыми лицами. Но тутъ мы видѣлись весьма недолго, не болѣе десяти минутъ, потому что послѣ нѣсколькихъ, въ восточномъ вкусѣ, очень любезныхъ привѣтствій съ ихъ стороны и, къ стыду моему, весьма обыкновенныхъ съ моей, онѣ откланялись и удалились въ гаремъ, а мы были приглашены въ гостиную, настоящую персидскую комнату, безъ всякой примѣси европейскихъ украшеній. Здѣсь все дышало востокомъ, зеркальныя ниши были уставлены богатыми золотыми и серебряными кувшинами и чашами необыкновенной формы, кальянами и другими рѣдкостями, и завѣшены голубымъ газомъ, вышитымъ серебромъ; полъ былъ покрытъ огромнымъ, превосходнымъ ковромъ, а низенькія тахты дорогими тонкими турецкими шалями, на нихъ лежали шелковыя мутаки, шитыя золотомъ и разноцвѣтными шелками, а около тахтъ и оконъ стояли табуреты съ рѣзными украшеніями. Все это освѣщалось въ настоящій вечерній часъ цвѣтнымъ висячимъ фонаремъ; днемъ же свѣтъ проходилъ сквозь разноцвѣтныя оконныя стекла и разливалъ въ комнатѣ такой пріятный полусвѣтъ, въ которомъ зрѣніе отдыхало отъ слишкомъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Комната эта восхищала Николая Петровича своимъ изяществомъ. «Тутъ не достаетъ только цвѣтовъ»,—говорилъ онъ.—«И красивой одалиски»,—думали, вѣроятно, молодые люди.

Едва успѣли мы расположиться на чрезвычайно мягкихъ тахтахъ, какъ, по обычаю востока, человѣкъ внесъ большой серебряный подносъ съ различными сластями; подойдя ко мнѣ, онъ сталъ на одно колѣно, держа передо мной подносъ, и что-то проговорилъ. «Что сказалъ онъ?»—спросила я Колбалай-хана.—«Онъ сказалъ— мои глаза на твоихъ подошвахъ». Фраза эта, вѣроятно, значила, что онъ будетъ слѣдить за каждымъ шагомъ моимъ, чтобы предупреждать мои желанія. Другой человѣкъ принесъ чай, а затѣмъ насъ пригласили ужинать. Столъ былъ сервированъ поевропейски, о чемъ я пожалѣла; но блюда были азіатскія: подали пловъ, кабабъ и шашлыки, а послѣ ужина намъ принесли кальяны.

Я много слышала о пріятности такого способа куренія, и мнѣ захотѣлось испытать его. Сначала, отъ неумѣнья обращаться съ кальяномъ, этотъ родъ куренья показался мнѣ чрезвычайно утомительнымъ; но послѣ нѣсколькихъ уроковъ, данныхъ мнѣ самимъ хозяиномъ, я, что называется, вошла во вкусъ и, пока мы находились въ Нахичевани, продолжала курить каждое послѣ-обѣда. Для кальяна необходимо имѣть особенный табакъ, если не ошибаюсь—Ширахскій, котораго въ Россію, кажется, не привозятъ. Еще понравилось мнѣ у персіянъ то, что слуги ихъ ходятъ по

комнатамъ въ шерстяныхъ короткихъ чулкахъ, поэтому шаговъ ихъ не слышно; сверхъ того, они чрезвычайно услужливы, учтивы, строго исполняютъ волю господина по одному взгляду его и при всемъ этомъ держатъ себя съ удивительнымъ достоинствомъ, рабства нисколько не замѣтно въ нихъ. Все это весьма пріятно поражаетъ европейца, не привыкшаго къ такому спокойствію и тишинѣ. Въ цѣлый мѣсяцъ, проведенный въ Нахичевани, я не слыхала не только криковъ господъ на людей, но даже ни одного упрека; не было ссоръ и между прислугой, и намъ не случилось видѣть ни одного пьянаго человѣка.

Мнѣ было чрезвычайно любопытно заглянуть въ гаремъ, да и надо же было сдѣлать визитъ любезнымъ хозяйкамъ; поэтому на слѣдующій день я спросила на то разрѣшенія у хановъ; они не только не воспротивились желанію моему, но Калбалай-ханъ самъ вызвался проводить меня къ ханшамъ и быть моимъ переводчикомъ.

При входѣ въ гаремъ, гдѣ я ожидала увидѣть вездѣ бархатъ, золото и дорогіе каменья, я была поражена простотой женскаго помѣщенія: комнаты низкія, окна небольшія изъ бѣлыхъ стеколъ, но, разумѣется, завѣшенныя; на полу неизбѣжные ковры, а около стѣнъ узкія тахты, накрытыя персидскою матеріею, и больше ничего. Въ слѣдующей комнатѣ, точно также убранной, я застала трехъ женщинъ, сидѣвшихъ на полу, но на подушкахъ предъ какимъ-то, какъ мнѣ показалось, большимъ низкимъ столомъ, накрытымъ ватнымъ шелковымъ одѣяломъ. Я была увѣрена, что онѣ занимались стеганьемъ этого одѣяла; но оказалось, что это былъ огромный мангалъ, т.-е. желѣзный ящикъ съ горящимъ углемъ на днѣ его и, если не ошибаюсь, опущенный въ землю на столько, чтобы накрывавшее его одѣяло не могло загорѣться. Около этого мангала жены и дѣти хановъ грѣются всю зиму; здѣсь ханши работаютъ, ѣдятъ и принимаютъ гостей, что̀, впрочемъ, случается не особенно часто; онѣ, бѣдныя, не избалованы удовольствіями, и жизнь ихъ вообще такъ однообразна и печальна, что лучшее и почти единственное развлеченіе ихъ составляютъ бани, куда онѣ ходятъ ежедневно и гдѣ остаются по нѣскольку часовъ. Я знала, что ни Измаилъ-ханъ, ни братъ его не придерживались многоженства, и потому третью женщину приняла за гостью, но это была ихъ племянница. Когда мы вошли, эта молодая и хорошенькая дѣвушка встала, чтобъ уступить мнѣ мѣсто подлѣ хозяйки; но ханши съ трудомъ поднялись съ подушекъ своихъ, и мы сѣли на тахту, а молодая племянница ихъ осталась подлѣ мангала и, продолжая работать, не говорила ни слова.

Хотя Калбалай-ханъ самъ переводилъ разговоръ мой съ ханшами, это, однако, не помѣшало имъ обѣимъ жаловаться на ихъ затворническую и невыносимо скучную жизнь.

— Мы живемъ, какъ въ тюрьмѣ,—говорила, между прочимъ, жена Калбалай-хана: — насъ кормятъ, одѣваютъ и думаютъ, что этого для насъ достаточно; но они ошибаются: мы хотимъ быть, какъ всѣ другія, какъ женщины свободныя, которыхъ учатъ всему, что онѣ должны знать—учатъ играть, пѣть, танцовать.

— Да,—подхватила другая ханша,—сами мужья наши учились у государя и теперь служатъ; у нихъ много знакомыхъ и не только мужчинъ, но и женщинъ: они ѣздятъ къ нимъ, и онѣ имъ нравятся, а мы вѣчно сидимъ дома, ничего не видимъ, ничего не знаемъ, ничего не понимаемъ: такъ не мудрено, что ханамъ не о чемъ разговаривать съ нами.

— Вы ошибаетесь,— отвѣчала я ханшѣ,—вашимъ мужьямъ не нравятся такія женщины, какъ наши, и если бы...

— Нравятся, нравятся!—воскликнула ханша Калбалая.—О! русскія женщины счастливыя,—прибавила она:—онѣ умѣютъ читать, писать, онѣ знаютъ все, что дѣлается на свѣтѣ... имъ даютъ много денегъ, и онѣ могутъ хорошо одѣваться, лица ихъ открыты; мужчины смотрятъ на нихъ, говорятъ съ ними, а насъ прячутъ отъ нихъ, и зачѣмъ? — вѣдь русскіе мужчины такіе же, какъ наши, только умнѣе.

Калбалай-ханъ разсмѣялся, переводя послѣднюю фразу, и я тоже.

— Попробуйте уговорить хановъ дать вамъ свободу,— сказала я,—и пріѣзжайте къ намъ въ Эривань.

— Ахъ, какъ бы это было весело!—вскричали обѣ затворницы:—да вѣдь это невозможно, они никогда не выпустятъ насъ. Калбалай увѣряетъ, что мы не умѣемъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо,—сказала жена его.

— Мы не судили бы васъ такъ строго,—замѣтила я.— Право.

— Вы очень добры, а наши мужья насъ не жалѣютъ. О! я увѣрена, что ваши мужчины умѣютъ любить лучше, нежели наши,—прибавила она и, улыбаясь, взглянула на мужа.

Немного погодя, я простилась съ ханшами, и мы вышли изъ гарема.

— Скажите мнѣ откровенно, ханъ, неужели мусульмане такъ ревнивы, что изъ-за этого боятся дать свободу своимъ женщинамъ?— спросила я.

— Нисколько. Я съ радостью отворилъ бы всѣ двери замка женѣ моей, но это противно нашему закону, а измѣнить его нельзя; къ тому же наши жены не воспитаны для свѣта.

— Такъ образуйте, по крайней мѣрѣ, дочерей вашихъ.

— Постараюсь; да вотъ племянница моя воспитывалась въ тифлисскомъ институтѣ, между тѣмъ...

— Какъ! неужели?... слѣдовательно, она говоритъ порусски?

— Да, говоритъ.

— Ахъ, какъ я рада! Такъ позвольте ей приходить ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

При этомъ ханъ сообщилъ мнѣ, что племянница его невѣста, что она скоро выйдетъ замужъ за одного молодого хана.

— И, конечно, по варварскому обычаю вашему, ханъ, она не знаетъ и не видала жениха своего?

— Ошибаетесь; скажу вамъ по секрету, что она часто видится съ нимъ; но у насъ это дѣлается не такъ, какъ у васъ.

— А какъ же?

— У васъ невѣсты видятъ жениховъ своихъ днемъ, а у насъ—ночью.

— Не можетъ быть; вы шутите, ханъ.

— Право, нѣтъ. Хотите знать, какъ это дѣлается?

— Хочу, непремѣнно хочу.

— Ну, вотъ видите: въ извѣстные дни молодому человѣку дозволяется приходить во дворъ ночью, тихонько, чтобы никто не зналъ этого; тогда невѣста, въ назначенный для свиданья часъ, выходитъ къ нему въ сопровожденіи старой няни, которая остается при нихъ, пока они бесѣдуютъ, гуляя по двору. Конечно, такія свиданія остаются семейной тайной,—прибавилъ ханъ.

— Я очень, очень рада, что узнала это: вы не повѣрите, ханъ, какъ меня всегда мучила мысль, что столько молодыхъ дѣвушекъ отдаютъ жизнь свою безъ любви, не зная того, кто похищаетъ ее изъ родной семьи.

Дѣла по Нахичеванскому уѣзду задержали Николая Петровича цѣлый мѣсяцъ въ домѣ хановъ; каждый день къ нему приходили люди съ просьбами и жалобами, которыя онъ разбиралъ во дворѣ замка. Въ это время я навѣщала иногда бѣдныхъ затворницъ, а чаще всего старый слуга гарема приводилъ ко мнѣ молодую родственницу ихъ, окутанную съ головы до ногъ густымъ покрываломъ, для предохраненія ея отъ нескромныхъ взглядовъ гяуровъ. Онъ не воображалъ, разсчитывая, можетъ быть, на мою строгость, что нѣсколько минутъ спустя, молоденькая институтка, приподнявъ край занавѣси, будетъ смотрѣть на молодыхъ чиновниковъ-русскихъ, сообщать мнѣ свои замѣчанія о нихъ и признаваться, который ей больше нравился.

По вечерамъ ханы устраивали для развлеченія гостей бои барановъ или пѣтуховъ, на которыхъ присутствовала и я; описывать ихъ нахожу лишнимъ, такъ какъ всѣ уже имѣютъ понятіе о нихъ; скажу только, что такое препровожденіе времени женщины не могутъ называть удовольствіемъ.

По восточному обычаю нельзя отпустить гостей, не одаривъ ихъ, что̀ ставитъ самихъ гостей въ очень неловкое положеніе, такъ какъ отказываться отъ подарковъ значитъ обидѣть хозяина; такимъ образомъ, Николай Петровичъ долженъ былъ принять поднесенный ему

прекрасный кальянъ, а я—голубую шелковую абу, вытканную на спинѣ и на плечахъ золотомъ, да еще маленькій прелестный коверъ. Пребываніе въ Нахичевани и сдѣланный намъ ханами въ высшей степени любезный пріемъ навсегда остались въ памяти нашей.

Мы поѣхали въ Нахичевань при сильномъ морозѣ, а когда вернулись оттуда, то было уже жарко. И вотъ опять мы дома, опять книги, газеты, письма, опять цвѣты и тотъ же видъ на Араратъ, та же прежняя жизнь.

Смотря на Большой Араратъ, какъ-то трудно представить себѣ, чтобъ этотъ ледяной, безмолвный великанъ могъ внезапно заревѣть, затрясться и, развернувъ пасть, выбросить изъ себя водяные пары, газы, а потомъ огромные камни. Между тѣмъ, такое ужасное изверженіе было въ 1840 году, слѣдовательно, за семнадцать лѣтъ до прибытія нашего въ Эривань. Оно совершенно уничтожило расположенное на скатѣ горы большое селеніе Ахури, имѣвшее не менѣе двухъ тысячъ жителей, а также древній монастырь св. Іакова, основанный въ X вѣкѣ. Все это было разрушено и завалено камнями. Нельзя, кажется, представить себѣ ужаса, объявшаго жителей Ахури, когда началось землетрясеніе, и на Араратѣ показалось пламя; вѣдь это уже была смерть, но смерть еще живая. Преданіе говоритъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло это селеніе, Ной, спустившись съ Арарата, посадилъ первую виноградную лозу.

Въ томъ же самомъ году, весною, я ѣздила съ Колюбакинымъ осматривать Эчміадзинскій монастырь, мѣстопребываніе армянскаго патріарха, или, какъ его называютъ еще, католикоса,—основанный, какъ полагаютъ, въ VI столѣтіи, однимъ изъ армянскихъ царей. Онъ стоитъ, точно крѣпость, за двумя высокими стѣнами съ множествомъ башенъ; не достаетъ только пушекъ, которыя прежде были бы, вѣроятно, не лишними. Къ этому монастырю принадлежатъ еще четыре особые храма, расположенные вокругъ него, внѣ стѣнъ и въ довольно значительномъ разстояніи отъ него. Въ главномъ храмѣ намъ показывали мѣсто, гдѣ Спаситель являлся св. Григорію; затѣмъ насъ повели въ парадныя комнаты патріарха, гдѣ мы видѣли двѣ замѣчательныя залы: одна изъ нихъ зеркальная, а другая съ портретами всѣхъ армянскихъ царей. Еще осмотрѣли мы очень богатую ризницу и, наконецъ, библіотеку съ множествомъ древнихъ рукописей.

Нельзя сказать, чтобъ Эчміадзинъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе, да этого и быть не можетъ, потому что онъ расположенъ въ сухой, безплодной, тоску наводящей мѣстности; любопытно видѣть его, какъ всякую древность, какъ памятникъ многочисленныхъ, болѣе или менѣе интересныхъ событій.

Осенью 1860 года я такъ сильно заболѣла, что докторъ нашелъ необходимымъ отправить меня за границу, что̀ и было исполнено,

а слѣдующею весною Николай Петровичъ, будучи вызванъ по дѣламъ въ Тифлисъ, подалъ намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому, просьбу объ отпускѣ его на четыре мѣсяца за границу. Ему хотѣлось отдохнуть и полѣчиться, а главное—взглянуть на другія страны, посмотрѣть, какъ тамъ живутъ, потолкаться и потолковать съ людьми различныхъ націй; Азія прискучила ему; особенно тянуло его во Францію, откуда онъ намѣревался заѣхать ко мнѣ, но князь Барятинскій не пустилъ его.

— Вы мнѣ нужны, нужны въ эту минуту,—сказалъ онъ и прибавилъ:—у меня только два Колюбакина и оба мнѣ необходимы; откуда же мнѣ достать третьяго?

Затѣмъ тотчасъ же назначилъ его кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ. Такимъ образомъ, Колюбакину пришлось въ третій разъ быть начальникомъ въ хорошо знакомомъ ему краѣ, и снова началась для него спокойная и пріятная жизнь и дѣятельность.

Кромѣ трудовъ и попеченій о благосостояніи населенія ввѣренныхъ ему четырехъ прежнихъ владѣтельныхъ княжествъ—Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, онъ находилъ еще время посѣщать кутаисскую гимназію, слѣдить за преподаваніемъ учителей и за успѣхами учениковъ, старавшихся отличиться передъ генералъ-губернаторомъ, умѣвшимъ оцѣнивать ихъ способности и старанія. Я сказала, что такого рода жизнь приходилась Колюбакину по сердцу, и, можетъ быть, она продлилась бы еще много лѣтъ, если бы не представилось обстоятельство, совершенно измѣнившее положеніе его.

Прежде всего необходимо сказать, что вдова князя Константина Дадишкиліани неоднократно обращалась къ Николаю Петровичу, черезъ посредство родственниковъ своихъ, съ просьбой о дозволеніи ей перенести тѣло мужа своего съ позорнаго мѣста, гдѣ онъ былъ казненъ, въ храмъ Божій, и каждый разъ получала отказъ. Наконецъ, уже по прошествіи трехъ лѣтъ по смерти мужа, времени, кажется, достаточнаго всякому христіанину для прощенія даже злѣйшаго врага, несчастная княгиня Дадишкиліани явилась къ Колюбакину со всѣми дѣтьми своими и, преклонивъ колѣна, повторила просьбу свою. Колюбакинъ не устоялъ противъ ея слезъ, отчаянія и мольбы цѣлаго семейства. Да и зачѣмъ было отказывать! Онъ былъ увѣренъ, что добрая и чистая душа покойнаго князя Гагарина, не способная къ мщенію на землѣ, не могла, переходя въ лучшій міръ, унести съ собою ненависть къ ближнему, и согласился на просьбу несчастной вдовы, съ условіемъ, однакожъ, что перенесеніе тѣла мужа ея въ небольшую церковь, находящуюся чуть не за городомъ, совершится въ вечернія сумерки и безъ всѣхъ обычныхъ въ этомъ краѣ погребальныхъ церемоній. Сверхъ того, разрѣшая похороны князя Дадишкиліани, онъ дѣйствовалъ не произвольно: въ его рукахъ была бумага, полученная имъ изъ Петер-

бурга, и на ея содержаніи было основано дозволеніе его перенести въ церковь тѣло князя Константина. Вотъ содержаніе этой бумаги, оправдывающей поступокъ моего мужа:

«Отношеніе начальника главнаго штаба къ кутаисскому генералъ-губернатору 1-го февраля 1861 года.

«Пунктъ I. Въ отзывѣ главнокомандующаго къ г. военному министру отъ 6-го сентября 1860 года сказано, между прочимъ: 3.000 рублей должны быть употреблены на похороны и поминки какъ самой княгини Дадишкиліани, такъ и покойнаго мужа ея, по мѣстнымъ обычаямъ. Пунктъ II. Исполнить предположеніе главнокомандующаго о распредѣленіи между вдовой и дѣтьми всемилостивѣйше пожалованнаго капитала» и проч., и проч.

Но какъ ни были скромны похороны князя Дадишкиліани, они все же не могли остаться тайной для родственниковъ князя Гагарина.

Не стану объяснять здѣсь, какимъ образомъ сѣтованія нѣкоторыхъ изъ нихъ на поступокъ Николая Петровича были доведены до свѣдѣнія государя императора, но спрошу, не есть ли это тоже мщеніе, мщеніе безсильное надъ трупомъ убійцы?... Пострадалъ отъ него только человѣкъ правый, такъ какъ послѣдствіемъ этого былъ переводъ Колюбакина изъ Кутаиса въ Петербургъ съ назначеніемъ его сенаторомъ.

Не думая, не гадая, чтобы дѣло, въ сущности христіанское, да еще дозволенное правительствомъ, могло принять подобный оборотъ, Николай Петровичъ продолжалъ спокойно заниматься дѣлами, какъ вдругъ, въ апрѣлѣ 1863 года, получаетъ бумагу о переводѣ своемъ. Неожиданное извѣстіе это показалось ему до того невѣроятнымъ, что онъ прибѣжалъ съ полученной бумагой ко мнѣ, чтобы удостовѣриться, такъ ли онъ понялъ ее.

Весьма тяжелъ и чувствителенъ былъ для него этотъ ударъ. Не пожелавъ, однако, оправдываться передъ княземъ Барятинскимъ, онъ написалъ только начальнику управленія намѣстника кавказскаго:

«Получилъ я письмо вашего превосходительства. Человѣку моихъ лѣтъ и моего общественнаго положенія болѣе чѣмъ прискорбно быть въ необходимости оправдываться въ поступкѣ, который въ глазахъ исправляющаго должность царскаго намѣстника беззаконностью своею превзошелъ размѣры вѣроятія. Но дѣло сдѣлано: съ разрѣшенія моего тѣло князя Дадишкиліани безъ всякой торжественности, безъ предварительнаго заявленія публикѣ, вечеромъ, загороднымъ путемъ, перенесено вдовою его и дѣтьми къ оградѣ небольшой уединенной церкви. За признаніемъ факта, не могу, однако, не подвергнуть оцѣнкѣ его значеніе общественное, религіозное и легальное, для опредѣленія рода и степени моего въ этомъ дѣлѣ участія. Оставленіе тѣла князя Константина Дадишкиліани на мѣстѣ казни,

въ позорной ямѣ, оскорбляя обычаи, христіанское чувство и аристократическія предубѣжденія страны, не только раздражало его родныхъ, весьма вліятельныхъ въ различныхъ земляхъ здѣшняго Закавказья, не только печалило бывшихъ его подвластныхъ, но еще возбуждало нѣкое тайное и безотчетное неудовольствіе во всемъ здѣсь близкомъ къ нему сословномъ слоѣ. Всѣ эти сочувствія и соболѣзнованія, возносясь надъ могилой казненнаго, какъ бы вѣнчали его ореоломъ страдальца и жертвы народныхъ законовъ. Погребеніе сняло съ него обаяніе земного преслѣдованія за гробомъ... Итакъ, обрядъ, совершенный надъ княземъ Дадишкиліани, принесъ, мнѣ кажется, пользу гражданскую. По воззрѣнію религіозному, смѣю думать, что, дозволивъ погребеніе по обряду церковному преступника, съ раскаяніемъ лобзавшаго передъ смертью святое Распятіе, я не учинилъ поступка, противнаго канонамъ православной церкви. Когда я проникаюсь глубже чувствомъ религіознымъ, мнѣ даже кажется, что тѣмъ самымъ я успокоилъ духъ несчастной жертвы убійцы, которая, по извѣстной намъ и мнѣ въ особенности чистотѣ природы своей, не могла унесть въ могилу ни злобы, ни мщенія... Нѣтъ, какъ христіанинъ, я не виноватъ, я правъ, я правъ передъ церковью, и сердце говоритъ мнѣ—я правъ передъ жертвою преступленія... Да не укоритъ меня неутѣшная, богобоязливая вдова...

«Наконецъ, перехожу къ сторонѣ легальной. И тутъ обсужденіе поступка моего можетъ зависѣть не отъ разнородности взглядовъ и нравственныхъ или религіозныхъ убѣжденій, а развѣ отъ различія въ пониманіи писаннаго слова: «По представленію намѣстника кавказскаго, высочайше утвержденному 25-го декабря 1860 года, положеніемъ кавказскаго комитета, изъ денегъ, отпущенныхъ княгинѣ Дадишкиліани, отчислено 3.000 рублей на похороны и поминки, по народнымъ обычаямъ, казненнаго мужа ея». Слѣдовательно я виноватъ развѣ только въ небуквальномъ исполненіи сего высочайшаго повелѣнія, не допустивъ похоронъ по народнымъ обычаямъ, то-есть съ полною торжественностью, тризной, сорокоустомъ, пиршествомъ и ристалищемъ. Если я не началъ прямо съ послѣдняго оправданія и не ограничился имъ, то потому только, что, уважая личное мнѣніе князя Г. Д. Орбеліани и ваше, милостивый государь, я хотѣлъ не только сложить съ себя отвѣтственность служебную, но еще быть правымъ, какъ гражданинъ и христіанинъ».

Я знаю, что извѣстіе о погребеніи князя Дадишкиліани было доложено его величеству шефомъ жандармовъ. Узнавъ о происшедшемъ, государь немедленно потребовалъ къ себѣ намѣстника кавказскаго, находившагося тогда въ Петербургѣ, и изволилъ обратиться къ нему съ вопросомъ: «Знаешь ли ты, что сдѣлалъ твой Колюбакинъ немирный?». Князь Барятинскій удивился; онъ ничего еще не слыхалъ о вышеупомянутомъ событіи. Но если бы въ эту минуту онъ вспомнилъ, что Николай Петровичъ, не смотря на

горячность свою, былъ всегда точнымъ исполнителемъ законовъ и предписаній высшаго начальства, а потому и въ настоящемъ случаѣ не разрѣшилъ бы погребенія князя Дадишкиліани безъ уважительной, легальной причины на то,—если бы, повторяю, онъ вспомнилъ обо всемъ этомъ и о бумагѣ, разрѣшавшей похороны, и доложилъ его императорскому величеству, какъ было дѣло, я увѣрена, что милостивый монархъ, въ справедливости своей, не призналъ бы мужа моего виновнымъ въ неисполненіи своего долга.

Да... если бы, если бы... но кто не знаетъ, кто не испыталъ на себѣ, какое важное значеніе въ жизни человѣческой имѣетъ маленькое слово—«если бы».

Разскажу кстати слѣдующій случай: узнавъ, что одно важное дѣло было доложено князю Воронцову невѣрно, вслѣдствіе чего должно было послѣдовать, весьма натурально, несправедливое рѣшеніе намѣстника, Колюбакинъ немедленно отправился къ нему, съ просьбой выслушать его мнѣніе относительно этого дѣла. Князь, всегда доступный, принялъ его, и когда Николай Петровичъ кончилъ говорить, онъ обнялъ его и сказалъ: «Mon cher Kolubakine, vous êtes un vrai chevalier» [1]). Такія слова, сказанныя такимъ государственнымъ человѣкомъ, каковъ былъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, чрезвычайно порадовали мужа моего. Между тѣмъ, если бы Колюбакинъ не пошелъ къ князю-намѣстнику, два человѣка, не заслуживавшіе смертной казни, были бы повѣшены.

Я намѣревалась говорить только о Николаѣ Петровичѣ, но такъ какъ дѣйствія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ были въ связи съ моими, я не могла или, можетъ быть, не сумѣла изъять личность мою изъ разсказа о его кавказской жизни, хотя старалась упоминать о себѣ, какъ можно меньше.

Теперь оканчивая воспоминанія мои, не могу не помѣстить здѣсь описанія обѣда, даннаго Колюбакину дворянствомъ имеретинскимъ. Описаніе обѣда по своему мѣстному характеру, можетъ быть, покажется интереснымъ, а слова, сказанныя на немъ, дадутъ понятіе о томъ отрадномъ и пріятномъ чувствѣ, которое Николай Петровичъ вынесъ изъ страны, гдѣ его такъ хорошо знали и любили.

«Кутаисская губернія знаетъ Николая Петровича болѣе 12 лѣтъ; онъ служилъ въ ней и вице-губернаторомъ и военнымъ губернаторомъ. Въ рѣдкой деревнѣ не бывалъ онъ; всякому онъ былъ доступенъ, всякому были открыты двери его дома. Во всей служебной дѣятельности его видны были честь и доброта; въ каждомъ распоряженіи и рѣшеніи—нелицепріятная и неуклонная правда; въ каждомъ мѣропріятіи—сердечное стремленіе къ благу общественному; къ нуждамъ частнымъ—во всѣхъ случаяхъ теплое и

---

[1]) Любезный Колюбакинъ, вы настоящій рыцарь.

плодотворное вниманіе; въ собственной жизни—строгая нравственная чистота; всѣ эти качества поставили его высоко въ народномъ мнѣніи и пріобрѣли ему общее глубокое, искреннее уваженіе.

«Питая такія чувства и желая выразить ихъ какимъ нибудь торжественнымъ актомъ, 300 князей и дворянъ съѣхались въ Кутаисъ и единогласно согласились дать въ честь Николая Петровича обѣдъ. Всѣ радостно приняли участіе въ этомъ праздникѣ любви и уваженія. Для обѣда приготовлены были залы гимназіи. Въ обѣденной залѣ фестоны и гирлянды изъ лавра, плюща и рододендрона, искусно перевитые, превратили потолокъ въ изящный наметъ, а стѣны — въ живописныя декораціи; всѣ полы были устланы коврами, а въ углахъ и въ разныхъ мѣстахъ комнатъ стояли оранжерейныя растенія. За главнымъ кресломъ сіяло вензелевое изображеніе виновника торжества; на стѣнѣ, насупротивъ, красовалось такое же изображеніе изъ зелени и цвѣтовъ.

«Въ главномъ залѣ столы были поставлены кругомъ стѣнъ; противъ нихъ, между арками, столъ для распорядителей обѣда; за арками—сервировка по туземному, въ боковыхъ залахъ столы въ два ряда. Три хора музыки: военная, бальная и туземная, поставлены были тоже въ залахъ; за арками гурійскіе пѣсенники. Передъ домомъ цехи съ значками и огромная толпа народа.

«Къ обѣду приглашены были: епископъ имеретинскій Гавріилъ и высшее духовенство; бывшій проѣздомъ въ Кутаисѣ атаманъ донскихъ казачьихъ полковъ на Кавказѣ А. П. Хрещатицкій; всѣ мѣстные военные и гражданскіе чины и именитѣйшіе изъ гражданъ.

«Въ четыре часа прибылъ Николай Петровичъ, въ сопровожденіи четырехъ почетнѣйшихъ князей. Громкое «ура» и звуки народной музыки возвѣстили прибытіе вожделѣннаго гостя. У подъѣзда его превосходительство встрѣченъ былъ почетнѣйшими князьями и дворянами, а въ первыхъ залахъ приняло его все остальное дворянство.

«Дворянству мало было дать обѣдъ, ему хотѣлось еще сохранить о немъ видимое воспоминаніе: ему хотѣлось имѣть портретъ Николая Петровича въ средѣ всей группы своей. Для этого на площади, передъ гимназическимъ домомъ, приготовленъ былъ аппаратъ, и послѣ первыхъ привѣтствій, по прибытіи его превосходительства, дворянство попросило его появиться на балконѣ и само разсыпалось по всей огромной длинѣ его и даже по окнамъ. Снимокъ удался превосходный и чрезвычайно живописный.

«Въ половинѣ пятаго сѣли за обѣдъ. За креслами его превосходительства стояли, по туземному обычаю, для принятія и передачи аллаверди отъ него и для исполненія прочихъ порученій два почетныхъ лица отъ князей и дворянъ. Блюда были туземныя, весьма роскошныя, пили изъ турьихъ роговъ, изъ старинныхъ

серебряныхъ чашъ; тутъ были азарпеты, бадіи, таси и кулы разной величины и разныхъ формъ. Оркестры музыки играли поочередно, а мѣстные пѣсенники пѣли постоянно. Обѣдъ шелъ весело.

«Первый тостъ провозглашенъ былъ генералъ-губернаторомъ за драгоцѣнное здоровье того, кто первый у всякаго въ сердцѣ, при каждомъ торжественномъ событіи,—за здоровье его императорскаго величества государя императора. Продолжительное, задушевное троекратное «ура» выразило всю любовь неподдѣльную въ здѣшнемъ чистосердечномъ населеніи къ своему монарху. Народный гимнъ выслушанъ былъ въ глубокомъ благоговѣйномъ молчаніи. Второй тостъ провозглашенъ имъ же за здоровье его императорскаго высочества государя наслѣдника и принятъ былъ такимъ же неумолкаемымъ «ура».

«Послѣ почтительной за симъ паузы одинъ изъ распорядителей обѣда 75-тилѣтній старецъ, князь Абашидзе, подошелъ къ генералъ-губернатору и дрожащимъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова:

«Ваше превосходительство! Дворянство Кутаисской губерніи, присутствующее на этомъ обѣдѣ въ честь вашу, поручило мнѣ выразить вамъ тѣ чувства глубокой признательности, которыми проникнуто оно вашею многотрудною и полезною дѣятельностью въ нашемъ краѣ. Въ продолженіе многолѣтняго управленія вашего вы заслужили всеобщее уваженіе и любовь вашею справедливостью, безукоризненною честностью, прямымъ откровеннымъ характеромъ. Мы привыкли видѣть въ васъ, Николай Петровичъ, не только просвѣщеннаго правителя и неутомимаго дѣятеля, но и друга нашего, и имя ваше популярно у насъ. Мы любимъ васъ, мы глубоко уважаемъ васъ... мы васъ любимъ, Николай Петровичъ... за ваше здоровье!

«Съ глубокимъ почтительнымъ вниманьемъ всѣ слушали слова старца, переводимыя княземъ Гуріелли тутъ же слово за словомъ. При послѣднемъ словѣ князь Абашидзе выпилъ изъ большого турьяго рога, и громкое, долгое «ура» огласило залы. Какъ на самомъ веселомъ праздникѣ, всѣ стали чокаться другъ съ другомъ, возобновляли «ура», снова чокались, и опять «ура» долгое, не унимающееся.

«Николай Петровичъ, сильно тронутый такимъ неподдѣльнымъ выраженіемъ чувствъ, отвѣчалъ слѣдующими словами:

«Господа! я такъ тронутъ, такъ взволнованъ, что, хотя имѣю привычку слова, едва ли, однако, сумѣю передать вамъ все, чѣмъ полно въ настоящее время сердце мое. Я прибылъ на Кавказъ двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, еще очень молодымъ человѣкомъ. Теперь, касаясь старости, чувствовалъ необходимость отдать себѣ отчетъ въ той дѣятедьности, которой посвятилъ силы, способности, лучшіе годы мои. Вы, господа, значительно облегчили мнѣ этотъ отчетъ выраженіемъ признательности своей за мои межъ вами труды въ различныхъ должностяхъ: вице-губернатора, воен-

наго губернатора и наконецъ генералъ-губернатора. Могутъ сказать, что эта признательность, это одобреніе—не всѣхъ... что здѣсь не всѣ... Я, господа, вижу здѣсь старцевъ, отцовъ семействъ, людей, коихъ дѣти на службѣ, людей, трудящихся для родины, въ разныхъ родахъ службы государственной, вижу молодыхъ людей, получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ головѣ и въ сердцѣ которыхъ будущность страны... Съ меня довольно, довольно для моего сердца и самолюбія. Если Богъ приведетъ меня пріютить старость мою въ Россіи, то буду тамъ наслаждаться мыслью, что изъ милліона разноплеменныхъ народовъ, которыми я разновременно управлялъ на Кавказѣ, если не всѣ, то, конечно, многіе вспомнятъ меня добромъ и скажутъ обо мнѣ доброе слово дѣтямъ своимъ... Это единственное достояніе, которое унесу съ собою... но не отдамъ его ни за какое злато. Благодарю васъ, господа. Теперь обращусь къ значенію этого торжества относительно васъ самихъ. Скажу вамъ прямо: оно дѣлаетъ вамъ честь, ибо если я пріобрѣлъ вашу признательность, ваше одобреніе, то не лестью, не потворствомъ худымъ страстямъ, не соблазномъ пировъ и веселій свѣтскихъ, а жизнью строгою, справедливостью подчасъ суровою, трудомъ добросовѣстнымъ; тѣ же люди, которые сознаютъ эти свойства въ человѣкѣ и отдаютъ ему уваженіе, тѣ сами одарены натурою доброю, благородною. Въ настоящую минуту мы наслаждаемся величайшимъ, какое только доступно человѣку, счастьемъ, счастьемъ нравственнымъ, сознаніемъ собственнаго достоинства. Остается намъ, господа, обратиться къ присутствующему здѣсь отцу духовному, всѣми уважаемому архипастырю, съ просьбой призвать благословеніе Божіе на союзъ сердецъ нашихъ, для пользы края, для вѣрнаго служенія возлюбленному монарху».

«Князь Церетели передавалъ эти слова на грузинскомъ языкѣ. Когда онъ кончилъ, къ Николаю Петровичу стали подходить всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ, одинъ за другимъ; каждый особо привѣтствовалъ его, выражая ему свое уваженіе и привязанность и пилъ за его здоровье.

«Послѣ обѣда сожженъ былъ фейерверкъ, послѣдняя декорація коего былъ щитъ съ бриллiантовымъ вензелемъ виновника торжества, и затѣмъ его превосходительство уѣхалъ домой при прощальныхъ благодарственныхъ «ура». Совершенно неожиданно городъ былъ иллюминованъ. Жители его въ соревнованіе дворянству вздумали изъявить такимъ образомъ генералъ-губернатору свои чувства любви и признательности.

«Многіе дворяне сожалѣли, что не могли пріѣхать въ Кутаисъ къ этому обѣду, за то они письменно выразили сожалѣніе свое».

Въ маѣ 1863 года, мы прибыли въ Петербургъ, но Колюбакинъ не пожелалъ служить тамъ и просилъ о переводѣ его сенаторомъ въ Москву, что̀ и было исполнено.

— Я не гожусь для столичнаго города,—говорилъ онъ, полушутя, полусерьезно:—живя въ Петербургѣ, мнѣ, конечно, придется иногда являться ко двору, и я, право, боюсь, чтобы мои драгунскія манеры, мой заносчивый характеръ и привычка говорить все, что есть на душѣ, не надѣлали мнѣ бѣды.

Шесть лѣтъ прожили мы въ Москвѣ; все это время Колюбакинъ грустилъ о Кавказѣ, ежедневно вспоминалъ о немъ; ему не доставало его чудной природы, его горъ, прохлады лѣсовъ, быстрыхъ шумящихъ рѣкъ, яснаго неба юга и той дѣятельности живой и пріятной, какую онъ имѣлъ въ томъ краѣ. Не говорю уже о многочисленныхъ оставленныхъ имъ друзьяхъ и о братѣ.

Въ стѣнахъ сената ему казалось душно, и это раздражало его: онъ спорилъ, кричалъ, но горячность его разбивалась о хладнокровное благоразуміе другихъ сенаторовъ, называвшихъ его шутя мальчикомъ, такъ какъ онъ былъ моложе всѣхъ въ своемъ департаментѣ. Поэтому онъ возвращался изъ сената почти всегда въ дурномъ расположеніи духа.

По вечерамъ онъ постоянно выѣзжалъ и чаще всего бывалъ у сенатора Тимирязева, бывшаго командиромъ того гусарскаго полка, въ которомъ Николай Петровичъ служилъ въ Варшавѣ, будучи совершенно молодымъ человѣкомъ,—да еще у князя В. Одоевскаго, гдѣ находилъ всегда пріятное общество; были у него и другіе хорошіе знакомые, но не очень много. Разскажу при этомъ одинъ забавный случай: до свѣдѣнія государя какимъ-то образомъ дошелъ слухъ, что немирный Колюбакинъ, въ пылу обычной его горячности, будто бы позволилъ себѣ ударить Каткова. Изъ Петербурга была потребована справка объ этомъ происшествіи, и вотъ отвѣтъ, посланный на нее: «Сенаторъ Колюбакинъ не могъ имѣть никакого непріятнаго столкновенія съ господиномъ Катковымъ, ибо онъ не только не знакомъ съ нимъ, но ни разу еще не встрѣчалъ его». Когда ему разсказали это, онъ много смѣялся. «Теперь,—сказалъ онъ,—я уже непремѣнно постараюсь познакомиться съ человѣкомъ, котораго имѣлъ несчастіе оскорбить дѣйствіемъ, ни разу не видѣвъ его».

Такъ прошли три года. Однажды, во время засѣданія въ сенатѣ, ему подали къ подписи бумагу; онъ хотѣлъ взять перо, но оно выпало изъ руки его.

— А! вотъ оно что!—воскликнулъ онъ: — у меня ударъ, господа.

Онъ не ошибся, но ударъ былъ слабый, не оставившій никакихъ послѣдствій. Черезъ годъ онъ повторился сильнѣе, такъ что Николай Петровичъ сталъ дурно владѣть ногою и писалъ уже лѣвой рукой, не переставая однако-жъ ѣздить каждый день въ сенатъ.

Въ 1867 году, выѣхавъ со двора зимой, онъ забылъ снять калоши въ передней и, проходя въ нихъ въ другую комнату, поскользнулся въ дверяхъ, упалъ бокомъ на эфесъ сабли и переломилъ ногу въ бедрѣ. Несчастный случай этотъ принудилъ его пролежать въ постели тринадцать недѣль въ одномъ положеніи, весьма вредномъ по роду его болѣзни. Вслѣдствіе этого, у него сдѣлался третій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться; къ тому же и болѣзнь сердца, обнаруживавшаяся по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, быстро развивалась и принимала все болѣе опасный характеръ. Докторъ требовалъ, чтобъ онъ пересталъ ѣздить въ сенатъ и заниматься дѣлами; но онъ не слушалъ его. Между тѣмъ, отъ прилива крови къ головѣ разрывались иногда кровеносные сосуды и заливали мозгъ кровью, отъ этого онъ терялъ память, мысли его путались, онъ называлъ предметы не настоящими ихъ именами, и рѣчь его дѣлалась непонятной. Всѣ знавшіе Николая Петровича, этого пылкаго, энергическаго человѣка, необыкновенно быстро и легко схватывавшаго и обсуждавшаго всякое серьезное и трудное дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладавшаго живымъ, свѣтскимъ остроуміемъ, поймутъ, какъ тяжело было видѣть его въ такомъ ужасномъ состояніи. Всего ужаснѣе было то, что онъ чувствовалъ это. Серьезныя книги, которыя онъ читалъ прежде съ такимъ увлеченіемъ, замѣнились самыми пустыми романами, да и тѣхъ онъ иногда не понималъ, и потому большую часть дня, по возвращеніи изъ сената, онъ проводилъ въ молчаніи, сидя въ креслѣ, глядя на цвѣты и думая о близкой смерти.

Видя такой ужасный упадокъ духа, докторъ, въ надеждѣ развлечь его и ободрить, совѣтовалъ ему съѣздить за границу. Хотя неохотно, но онъ согласился на это; я не могла сопутствовать ему, такъ какъ безъ помощи мужчины онъ не могъ обойтись, а на троихъ у насъ недоставало средствъ, поэтому онъ рѣшился ѣхать съ однимъ камердинеромъ и отправился въ Парижъ.

Путешествіе, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько ободрило его, но вмѣсто того, чтобы полѣчиться, онъ всѣ дни проводилъ въ разговорахъ съ Н. В. Ханыковымъ, проживавшимъ въ Парижѣ.

Въ первыхъ дняхъ августа онъ возвратился и провелъ остатокъ лѣта на дачѣ, гдѣ я жила.

По переѣздѣ нашемъ въ Москву, Николай Петровичъ, послѣ долгаго отдыха, снова началъ посѣщать сенатъ; но по гостямъ уже не ѣздилъ, а принималъ у себя. Здоровье его видимо ухудшалось. 14-го октября 1868-го года, къ удивленію всѣхъ окружающихъ его, онъ всталъ въ необыкновенно мирномъ настроеніи и не только не выходилъ изъ терпѣнія, пока человѣкъ и я одѣвали его, но даже шутилъ и смѣялся, ходя по комнатѣ съ помощью палки. Возвратясь изъ сената въ такомъ же спокойномъ состояніи, онъ позавтракалъ и легъ отдохнуть, сказавъ мнѣ, чтобы я принимала

всѣхъ, кто пріѣдетъ. Часа черезъ полтора онъ всталъ, пришелъ въ гостиную и очень обрадовался, заставъ тамъ одного изъ знакомыхъ своихъ, а спустя четверть часа—новый ударъ.

Въ 12 часовъ ночи его не стало.

Онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, близъ церкви.

Александра Колюбакина.

